

СБОРНИК

РЕПОРТАЖ ИЗ

ПЕТЛИ

(СБОРНИК)

Альфред Хичкок представляет

Сборник

Репортаж из петли (сборник)

«Остеон-Групп»

1940-1950

Сборник

Репортаж из петли (сборник) / Сборник — «Остеон-Групп» ,
1940-1950 — (Альфред Хичкок представляет)

ISBN 978-5-900782-15-7

Представляем читателю сборник остросюжетных произведений, в разное время публиковавшихся в американской печати. Они мало занимали просвещённую читающую публику, пока на них не обратил своё внимание такой признанный знаток и ценитель остросюжетного жанра, как кинорежиссёр, сценарист и продюсер Альфред Хичкок. Так в свет вышел первый из сборников, озаглавленный "Репортаж из петли" ('Noose Report'), затем второй, третий, потом ещё с десяток. Почитайте их – и вы никогда не пожалеете о потраченном на чтение времени.

ISBN 978-5-900782-15-7

© Сборник, 1940-1950
© «Остеон-Групп» , 1940-1950

Содержание

Предисловие	6
Роберт Блох	8
Ричард Хардвик	14
Лоренс М.Дженифер	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Альфред Хичкок

Репортаж из петли

© Перевод с английского Сергея Трофимова, 2011

© ООО "Остеон-Групп", вёрстка макета, оформление. 2019

osteon-fond@yandex.ru

Предисловие

Считаю своим печальным долгом известить вас о том, что преступления в Америке переживают период упадка. Причем кризис настолько велик, что выход из него мне представляется весьма сомнительным. Надстройка греха пошатнулась, зло потеряло основу, а порочность вышла из моды. С беззаконием покончено, и вскоре то же самое случится с развратом. Теперь, чтобы отыскать преступление хоть в чем-то серьезнее озорства, вам придется встать пораньше и как следует побегать по улицам. Силы тьмы упаковали чемоданы и переселились в другие места. Добродетель вновь в седле, и золотая эра славных лет, по-видимому, уже закончилась.

Если читатель сомневается в моих словах, я отошлю его к данным статистики. Эти сведения получены мной недавно от нескольких репортеров, которые освещали конференцию, проходившую в «Приюте злодеев» – небольшом курорте близ Аппалачи, штат Нью-Йорк. Факты, собранные независимой службой контроля, красноречиво свидетельствуют об истинности моих тезисов. К примеру, в 1940 году процент негодяев по отношению к добропорядочным гражданам составлял три к десяти, в 1950 году – два кома семь к десяти, а в 1960 году он равнялся одному кома девять! Если так и дальше пойдет, в 1970 году число мерзавцев сократится до трех четвертей процента на десяток граждан, включая военных, проходящих службу за границей.

Другой генеральной линией является раздражительное поведение. Учитывая эффект Лючиано-Дилинджера и компенсирующий градиент «Коза Ностры», мы уже достигли среднегодовой отметки раздражительности в три и шесть десятых процента. Сходные снижения наблюдаются в коррупции, подлости, дегенеративности и распутстве. Да, в условиях осоловевшей экономики отмечена небольшая активизация мошенничества, но причины этого явления настолько сложны, что я не буду приводить их в данном отчете.

Отягощенные грузом приведенных доказательств, участники конференции рассмотрели вопрос о зловещем спаде в среде негодяев. Дискуссия мгновенно оживилась, и иногда выступления приходилось прерывать, чтобы дать оппонентам размяться и проявить свои агрессивные качества в действии.

Большинство предположений было признано неуместными. Однако хочется отметить разумную догадку о влиянии радиоактивных осадков на процесс распространения добра. Между прочим, у одного оратора хватило безрассудства связать угасание злобы с вмешательством божественного промысла. Хотя перестрелку среди участников конференции вызвали, конечно же, не объяснения. В последний день некий хорошо одетый джентльмен обратился к коллегам с краткой речью, которая произвела на многих делегатов неизгладимое впечатление.

– Я представитель ФБР, – признался он. – Район окружен. Сдавайтесь.

Какая жалость, что по ходу совещания не было принято ни одного достойного решения, а момент отправки злодеев по местам заключения наступил так быстро. Но после того, как я ознакомился с документами и, пользуясь разрешением начальника тюрьмы, обсудил вопрос с моими репортерами, вся ситуация, в конечном счете, прояснилась. Теперь я могу конфиденциально заявить, что мне известно событие, оказавшее столь роковое действие на процветание преступности в нашей стране.

Ответом является «развитие высшего общества».

В результате образования высшего общества само зло трагическим образом стало невыгодным, опасным и скучным. Деньги и добро сыпятся, словно из рога изобилия, и вам пришлось бы напрячь все мозговые извилины, чтобы избежать такого внезапного и узаконенного обогащения. Впрочем, я знал горстку людей вне закона, которые, работая с девяти до семнадцати часов, пытались перекрыть утечку естественных щедрот Америки через щели и трещины ее главных управлений. Отказ от честных дивидендов отнимал так много времени, что они

были вынуждены вести свою грязную игру даже во время обеденных перерывов. Я думаю, вы можете представить, как тяжело им было разработать эффективный план. Когда же они, наконец, совершили это преступление, размер их прибыли сократился до минимума. Им удалось вложить остатки капитала в сберегательный банк, и теперь они пожидают плоды своих танталовых усилий.

Да, их план завершился успехом. Но при современной технике сыска и превентивных методах различных систем безопасности этот случай мне кажется неубедительным. Высокий уровень накладных затрат преступного бизнеса объясняется огромными расходами на сыск сыска и охрану от предохранения. Личный состав и оборудование работают на износ – преступники и их главарь буквально валятся с ног от усталости. Зарплата и содержание штата пожирают почти весь пирог создателей зла. Административные и бухгалтерские счета истощают капитал с такой же скоростью, с какой он появляется. Поэтому, любой злодей, даже если он не числится в «Каталоге современных американских преступников», вынужден выкладывать из кармана такие суммы, что два-три процента выручки – это предел его мечтаний.

Но хуже всего отсутствие воображения, которое стало в наши дни характерной чертой злоумышленников. Нет больше людей, заинтересованных в похищении детей. Нет новых мотивов для убийства. Нет захватывающих побегов из тюрем. Иерархия среднего преступного синдиката описана в энциклопедии «Управление бизнесом» и состоит, в основном, из инженеров, программистов и налоговых инспекторов, которые соответственно исполняют роли головорезов, взломщиков и рэкетиров. Трости и галстуки, шляпы и свитера потеряли свойственные им антисоциальные функции, а слова «простите» и «благодарю вас» стали обычными фразами при требовании выручки или выкупа.

Надеюсь, что следующая конференция в «Приюте злодеев» будет посвящена оживлению нашей вялой и поникшей преступности. Газеты должны подготовить ряд статей на злободневные темы – к примеру, «Физическая ликвидация совета директоров, как метод пресечения растрат», «Сотня краж со взломом – это риск, на который вы можете пойти», «Добавьте немного очарования в ваши мелкие преступления», «Продержится ли отказ от смертной казни?» и, наконец, «Народ против программ научного развития». Нам хотелось бы верить, что предстоящий съезд разработает пути для реставрации почти исчезнувших сил тьмы.

Истории этой книги, представленные вместе с вышеуказанными документами, помогут нам высветить наиболее оригинальные и обещающие виды преступлений, которые могли бы спасти злодейство от забвения.

Альфред Хичкок

Роберт Блох

Вдали от всех

Поезд прибыл с опозданием, и, наверное, перевалило за девять, когда Натали поняла, что осталась одна на пустой платформе хайтауерской станции. Здание заперли на ночь – здесь был полустанок, а не город. Натали растерялась. Она надеялась, что ее будет встречать доктор Брейсгедл. Перед тем как покинуть Лондон, Натали отправила дяде телеграмму, сообщив время прибытия. Но поезд опоздал, и возможно дядя, не дождавшись ее, ушел.

Натали неуверенно осмотрелась и, заметив телефонную будку, приняла решение. Последнее письмо доктора Брейсгедла она положила в кошелек, на конверте был указан адрес и номер телефона. Девушка покопалась в сумке, на ощупь нашла письмо и подошла к будке.

Звонок создал много проблем. Сначала оператор никак не мог наладить связь, потом пошли гудки на линии. Через мутное стекло будки она заметила темные холмы. Быстрый взгляд на них подсказал причину затруднений. Прежде всего, напомнила себе Натали, это западная провинция. Условия, должно быть, примитивные...

– Алло, алло!

Сквозь шум и треск на линии появился женский голос. Гудки оборвались. Женщина почти кричала, пробиваясь через фон, в котором сливалось несколько других голосов. Натали склонилась вперед и четко произнесла:

– Это Натали Риверс. Скажите, доктор Брейсгедл дома?

– Кто, вы говорите, звонит?

– Натали Риверс. Я его племянница.

– Кто его, мисс?

– Племянница, – повторила Натали. – Скажите, я могу с ним поговорить?

– Одну минуту.

Последовала пауза, в течение которой поток голосов в трубке усилился и заполнил все пространство. Но потом на фоне невнятной болтовни Натали услышала звучный мужской голос.

– Доктор Брейсгедл у телефона. Милая Натали, какая неожиданная радость!

– Неожиданная? Но я отправила вам сегодня телеграмму из Лондона.

Почувствовав в своем голосе колющие нотки раздражения, Натали глубоко вздохнула и задержала дыхание.

– Значит она не пришла?

– Боюсь, что наша почта оказалась не на высоте, – ответил доктор Брейсгедл, сопроводив заявление сдавленным извиняющимся смешком. – Твоя телеграмма не пришла. Хотя, наверное, ты ее и посылала.

Он снова тихо хохотнул.

– Где ты, моя милая?

– На станции Хайтауер.

– Ах, дорогая. Это же совсем в другой стороне.

– В другой стороне?

– От семейства Питерби. Они позвонили мне прямо перед тобой – минуты три назад. Какая-то глупая чушь об аппендиците, хотя я уверен, случай окажется простым расстройством желудка. Но я обещал отправиться к ним – знаешь, все-таки возможно обострение.

– Вы хотите сказать, что к вам по-прежнему обращаются за помощью?

– Это печальная необходимость, моя милая. В наших краях не так уж много докторов. К счастью, здесь мало и пациентов.

Доктор Брейсгедл сопроводил свою шутку коротким смехом.

– Теперь слушай меня. Оставайся на станции. Я сейчас отправлю к тебе мисс Пламмер, и она привезет тебя домой. У тебя много багажа?

– Только дорожная сумка. Остальное привезут с домашними вещами на корабле.

– На корабле?

– Разве я вам об этом не писала?

– Да-да, все верно, ты писала. Впрочем, какая разница. Мисс Пламмер уже отправляется к тебе.

– Я буду ждать на платформе.

– Что-что? Говори громче, я плохо тебя слышу.

– Я говорю, что буду ждать на платформе.

– Хорошо.

Доктор Брейсгедл внезапно рассмеялся.

– Тебя здесь ждет вся наша компания.

– Может быть я вам помешаю? Все-таки вы меня не ждали...

– Не беспокойся об этом. Им давно пора уходить. А ты подожди мисс Пламмер.

Телефон щелкнул, и Натали вернулась на платформу. Легковой автомобиль появился удивительно быстро, затормозив у самых рельсов. Высокая худощавая женщина с седыми волосами, одетая в мягкую форменную одежду белого цвета, вышла из машины и помахала Натали.

– Поторапливайся, милая, – крикнула она. – Это я, пожалуй, положу назад.

Схватив сумку, она потащила ее к задней двери машины.

– Теперь залезай – и поедem!

Едва дождавшись, пока Натали закроет дверь, грозная мисс Пламмер завела мотор, и машина выехала задним ходом на дорогу. Стрелка спидометра тут же рванулась к семидесяти. Натали вздрогнула, и мисс Пламмер мгновенно заметила ее волнение.

– Ты меня извини, – сказала она. – Но доктора вызвали, а я не могу отсутствовать слишком долго.

– Ах, да. В доме гости. Он говорил мне.

– Прямо так и сказал?

Мисс Пламмер резко свернула на перекрестке, шины завизжали, и девушка испугалась по-настоящему. Чтобы заглушить страх, Натали решила продолжить беседу.

– А что за человек мой дядя? – спросила она.

– Разве ты никогда его не видела?

– Нет. Мои родители переехали в Австралию, когда я была совсем ребенком. Это моя первая поездка в Англию. Фактически, я впервые покинула Канберру.

– А где твоя семья?

– Два месяца назад они погибли в автокатастрофе, – ответила Натали. – Доктор не рассказывал вам?

– Боюсь, что нет. Знаешь, я долгое время была с ним в разлуке.

Мисс Пламмер закашлялась, и машина дико завиляла по дороге.

– Автокатастрофа, да? Некоторым людям нечего делать за рулем. Вот что говорит наш доктор.

Она обернулась и посмотрела на Натали.

– Я так понимаю, что ты к нам надолго, правда?

– Да, конечно. Он написал мне, когда его назначили опекуном. Поэтому я и интересуюсь, что он за человек. Об этом трудно судить по письмам.

Худощавая женщина молча кивнула, но Натали решила довериться ей.

– Честно говоря, я немного раздражительна. Я никогда раньше не общалась с врачами-психиатрами и не знаю, как себя вести.

– Не общалась? Тебе очень повезло.

Мисс Пламмер передернула плечами.

– В свое время я знавала нескольких. И если ты спросишь меня, все они немного зануды. Хотя должна сказать, доктор Брейсгедл один из лучших. Такой, знаешь, добрый. Много чего разрешает...

– Я так понимаю, он все еще практикует?

– По его профилю больных всегда хватает, – ответила мисс Пламмер. – Особенно среди состоятельных людей. Я уговорила твоего дядю немного обставиться. Дом и все прочее – да ты сама увидишь.

Автомобиль описал тошнотворную дугу и влетел в арку внушительных ворот. Широкая аллея вела к огромному дому, который одиноко стоял среди густого парка. Через жалюзи окон пробивались слабые полоски света, но даже при таком освещении Натали удалось рассмотреть витиеватый фасад дядюшкиного дома.

– Какая прелесть, – тихо прошептала она.

– Что ты говоришь?

– Гости... субботний вечер. А я совершенно грязная после поездки.

– Можешь об это не беспокоиться, – проворчала мисс Пламмер. – Здесь нет строгих правил. Так мне сказал доктор, когда я сюда попала. Этот дом вдали от всех других домов.

Она закашлялась и тут же затормозила. Автомобиль резко остановился перед внушительным черным лимузином.

– Вылезай, девочка!

Мисс Пламмер проворно достала сумку с заднего сидения и понесла ее наверх по ступеням. Кивнув Натали через плечо, она остановилась у двери и начала искать ключ.

– Стучать бесполезно, – объяснила она. – Нас никто не услышит.

Дверь открылась, и ее слова подтвердились. Шум голосов, который Натали посчитала за помехи в телефонной линии, шквалом вырвался из коридора. Она нерешительно остановилась у входа, но мисс Пламмер закричала:

– Живее, живее, милочка!

Натали покорно вошла, и когда за ней закрылась дверь, она прищурила глаза от яркого света. Они стояли в длинной и странно пустой прихожей. Прямо перед ними начиналась лестница, в углу между перилами и стеной виднелись стол и кресло. Слева находилась темная, оббитая кожей дверь, которая, видимо, вела в приемный кабинет доктора. На ней висела небольшая латунная табличка с его именем. Окна закрывали тяжелые шторы, за которыми угадывались жалюзи, уже опущенные на ночь. Справа начиналась огромная гостиная, и оттуда доносились звуки веселой вечеринки.

Натали подошла к ступеням, ведущим в зал, и через открытую дверь окинула взглядом помещение. Около дюжины гостей толпились у большого стола, беседуя и жестикулируя с воодушевлением близких знакомых. Это же подтверждали их отношения и огромная шеренга бутылок на столе. Внезапный взрыв смеха и визга свидетельствовал о том, что по крайней мере один из гостей злоупотребил гостеприимством доктора и перебрал спиртного.

Натали торопливо миновала дверь, стараясь остаться незамеченной, затем обернулась к мисс Пламмер, которая должна была нести ее сумку. Мисс Пламмер действительно шла за ней, но в ее руках ничего не было. Когда Натали подошла к лестнице, строгая женщина укоризненно покачала головой.

– Ты же не собираешься идти наверх прямо сейчас? – сказала она. – Войди в зал и представься.

– Мне кажется, я сначала должна принять душ и привести себя в порядок.

– Хорошо, я пойду и приготовлю для тебя комнату. Доктор не давал мне никаких указаний, ты же знаешь.

– Да, действительно, это не так важно. Но мне бы хотелось помыться...

– Доктор вернется с минуты на минуту. Так что лучше подожди его.

Мисс Пламмер схватила Натали за руку, быстро и проворно протащила ее по коридору, и испуганная девушка оказалась в освещенном зале.

– Это племянница доктора, – громко объявила мисс Пламмер. – Перед вами мисс Натали Риверс из Австралии.

Несколько голов повернулось в их сторону, хотя голос мисс Пламмер едва различался в шуме общей беседы. Низенький полупьяный толстяк поспешил к Натали, размахивая бокалом.

– Неужели прямо из Австралии?

Он протянул ей свой бокал.

– Тогда вы, наверное, томитесь от жажды. Вот, возьмите. А я себе еще налью.

Прежде чем Натали успела ответить, он повернулся к ней спиной и снова нырнул в толпу людей у стола.

– Майор Гамильтон, – шепотом сообщила мисс Пламмер. – Милейшая душа, надо сказать. Но боюсь, что он уже слегка пьян.

Мисс Пламмер отошла, и Натали неуверенно посмотрела на бокал в своей руке. Она не знала, что с ним делать.

– Позвольте мне.

К ней подошел высокий, седой и очень представительный мужчина с черными усами. Он вежливо принял бокал из ее пальцев.

– Благодарю вас.

– Не за что. Прошу извинить нашего майора. Дух вечеринки, сами понимаете.

Он кивнул, указывая на женщину с чрезмерным декольте, которая оживленно щебетала с тремя смеющимися мужчинами.

– Но так как это в некотором роде прощальное торжество...

– Ага, вот вы где!

Толстяк, которого мисс Пламмер назвала майором Гамильтоном, возник опять и вышел на орбиту вокруг Натали с новым бокалом и новой улыбкой на ярко-красном лице.

– Я вернулся, – сообщил он. – Прямо как бумеранг, правда?

Майор громко расхохотался.

– Я говорю, это же у вас в Австралии делают бумеранги? О, я достаточно насмотрелся на вас, австралийцев, в Галлиполи. Конечно, это было давно, задолго до вашего рождения, смею сказать...

– Прошу вас, майор.

Высокий мужчина улыбнулся Натали. Его присутствие успокаивало. Он казался до странности знакомым. Натали задумалась о том, где могла видеть его раньше. Он подошел к майору и забрал из его рук наполненный бокал.

– Вы только посмотрите... – брызгая слюной, закричал майор.

– Вам уже хватит, приятель. Еще немного, и надо будет уходить.

– Тогда последнюю на дорожку...

Майор осмотрелся, его руки взметнулись вверх в призыве.

– Кто еще хочет выпить?

Он сделал бросок к своему бокалу, но высокий мужчина уклонился от выпада. Еще раз одарив Натали улыбкой, он приблизился к майору и что-то серьезно зашептал ему на ухо. Майор по-пьяному преувеличенно кивал головой. Девушка осмотрела зал. Кроме пожилой женщины, которая одиноко сидела на стуле у пианино, на нее никто не обращал внимание. Пристальный взгляд старухи заставлял ее чувствовать себя незваной гостьей. Натали торопливо отвернулась и перевела взор на женщину с декольте. Она снова вспомнила о своем жела-

нии сменить платье и поспешила к выходу, чтобы найти мисс Пламмер. Пройдя через зал, девушка вернулась к лестнице.

– Мисс Пламмер! – позвала она.

Никто не отозвался.

Уголкем глаза она заметила полоску света в кабинете дяди. Внезапно дверь открылась нараспашку, из комнаты вышла мисс Пламмер, и в ее руках были ножницы. Натали хотела окликнуть ее, привлечь внимание, но суровая дама быстро умчалась в другом направлении.

Да, сказала себе Натали, люди здесь немного странные. Но может быть виной всему вечеринка? Она хотела догнать мисс Пламмер, но остановилась у открытой двери в кабинет доктора.

Натали с любопытством заглянула в приемную своего дяди. Это был уютный кабинет с множеством книжных шкафов. В центре комнаты располагались массивные кожаные кресла, в углу у стены находилась терапевтическая кушетка. Около нее стоял большой стол из красного дерева. На нем ничего не было, кроме телефона, из-под которого змеился тонкий коричневый провод. Провод чем-то обеспокоил Натали, и она, сама того не ожидая, вошла в кабинет, чтобы рассмотреть стол и коричневый шнур телефона.

Только потом она поняла, что встревожило ее. Конец провода был отрезан от розетки на стене.

– Мисс Пламмер! – прошептала Натали, вспомнив ножницы в руках эксцентричной дамы.

Но зачем она испортила телефонный шнур?

Натали резко обернулась и увидела, что в дверях появился высокий представительный мужчина.

– Телефон больше не понадобится, – сказал он, угадав ее мысли. – Кажется, я же говорил вам, что у нас прощальное торжество.

Он сдавленно хохотнул, как бы извиняясь. Натали опять почувствовала что-то еуловимо знакомое в этом человеке, но теперь ей удалось разобраться в своем чувстве. Она слышала этот сдавленный смех по телефону, когда звонила сюда со станции.

– Вы, наверное, решили пошутить надо мной! – догадалась она. – Вы доктор Брейсгедл, правда?

– О, нет, моя милая.

Он покачал головой и прошел мимо нее в комнату.

– Просто никто здесь вас не ждал. Мы уже хотели уходить, когда позвонили вы... И надо было что-то отвечать.

Наступило молчание.

– Где же мой дядя? – наконец, спросила Натали.

– Да вот же, рядом.

Натали долго стояла и смотрела вниз на то, что лежало между кушеткой и стеной. Просто чудо, что она смогла это вынести.

– Ужасно отвратительно, – кивнув, согласился мужчина. – Все произошло очень неожиданно... Я хотел сказать, возможность появилась внезапно. К тому же, им захотелось выпить...

Его голос стал глуше, и Натали отметила, что шум вечеринки затих. Она взглянула на дверь и увидела их. Они стояли в проеме и смотрели на нее. Их шеренга раздвинулась, и в кабинет быстро вбежала мисс Пламмер. Поверх ее измятого, не по росту большого больничного халата была нелепо наброшена меховая шаль.

– Ах, миленькая! – вздохнула она. – Ты все-таки нашла его!

Натали кивнула и шагнула вперед.

– Вы должны что-то сделать! – взмолилась она. – Пожалуйста!

– Конечно, ты же еще не видела остальных, – ответила мисс Пламмер. – Они там – наверху. Весь штат нашего доктора. О-о, это потрясающее зрелище!

Мужчины и женщины тихо входили в комнату. Они молчали, и в их глазах была печаль. Натали повернулась к ним, протягивая руки.

– Ну почему? – закричала она. – Это могли сделать только сумасшедшие люди! Вам место в психиатрической лечебнице!

– Бедное дитя, – проворчала мисс Пламмер, быстро закрыв дверь на ключ, когда остальные двинулись вперед. – Это и есть психиатрическая лечебница...

Ричард Хардвик

Высокий прилив

Постепенно уходящий поток замедлился, движение воды незаметно прекратилось, но, продолжая свой бесконечный цикл, прилив вскоре начинался снова. Сначала вода поднималась в узком проливе, затем в реке и, наконец, в протоке, которая пробежала под низким обрывом перед почти завершенным домом Рэя.

Со стороны некрашенной пристани свежий северо-восточный ветер гнал через протоку волны, заливая высокую болотную траву, которая тянулась на всем пути к реке, напоминая ярко-зеленый луг в четверть мили шириной.

Опустив руки на перила, Ллойд Рид стоял на краю маленькой пристани и следил за человеком в ялике.

– Так что ты думаешь о ней, Рэй?

Рэй Гарвин подвел тяжелый ялик к берегу и, швырнув Риду конец веревки, выбрался на грязный берег протоки.

– Придется потрудиться, если только доски удержат монопорельс.

Он вынул из кармана складной нож, раскрыл его и колупнул длинным лезвием сваю, проверяя состояние дерева.

– Как думаешь, Ллойд, насколько она старая? Лет десять, двадцать?

– Точно не знаю, но эта пристань была здесь, когда я бегал мальчишкой, – ответил Рид. – Помню, старик приводил меня сюда на рыбалку, а это было не меньше двадцати пяти лет назад.

Гарвин сложил нож и сунул его в карман.

– Лучше бы она сгорела вместе со старым домом.

Он подлез под пристань и ухватился за поперечную скобу.

– Надо все как следует проверить.

Он схватил балку обеими руками и всем весом повис на ней.

– Эй! – закричал Рид. – Смотри, не сломай ее!

Гарвин подумал о трех стальных швеллерах, сваленных на пристани, и решил в понедельник нанять рабочих, чтобы перетащить их к обрыву. А сейчас лучше было перебраться в безопасное место. Он в последний раз тряхнул скобу, и она закачалась.

– Я бы ее совсем разобрал, – сказал Рид. – Вот только железки лежат не слишком хорошо...

Его слова внезапно оборвал резкий треск, похожий на выстрел. Он раздался прямо над головой Рэя, вызвав ливень из щепок и трухи подгнившего дерева.

Реакция Гарвина была инстинктивной, и еще до того, как Рид закричал нецензурное предупреждение, он мгновенно понял, что надо выбираться из-под пристани. Ему удалось отскочить в сторону, но нога соскользнула с кочки, и он растянулся во весь рост. Раздался тошнотворный визг металла, ударившегося о металл.

«Балки падают! Надо бежать!» – подумал Рэй. Он пополз по скользкой поверхности, и, как в кошмаре, каждый мускул напрягся в отчаянном усилии. Рэй добрался до опоры и почти миновал ее. «Мне удалось. Еще пара шагов...»

Вдруг что-то впилося в его правую лодыжку, и волна боли прошла по всей ноге. Туман заполнил сознание, он услышал свой крик – крик безумной боли. Секунду стояла тишина, затем в протоку что-то рухнуло с запоздалым плеском, словно в конце предложения поставили точку.

Гарвин лежал, прижимаясь лицом к мокрой грязи. Кулаки сжались, глаза закрылись, тело пыталось преодолеть боль в лодыжке. «Кажется, сломана нога. Чертовы железки упали, и моя нога сломана...»

– Рэй! Рэй!

Он поднял голову и посмотрел на берег. Рид неуклюже спускался вниз, скользя и скатываясь по откосу протоки.

– Рэй? Ты в порядке?

– Не рассчитал свои силы, – ответил Гарвин, пытаясь улыбнуться. – Я как настоящий Самсон, правда?

Рид присел рядом и осмотрел ногу.

– Ты можешь вытащить ее оттуда?

– Не знаю.

Он приподнялся, опираясь на локти, и повернул голову, чтобы рассмотреть лодыжку. Один из стальных швеллеров лежал на ноге, вдавив стопу в грязь. Гарвин напрягся, но боль вновь обожгла тела. Он застонал и сдался.

– Лодыжка сломана. Я уверен в этом.

– Думаю, тебе еще повезло, – сказал Рид. – Две балки пролетели мимо.

– Действительно повезло. А теперьними с меня эту штуку.

Рид удивленно взглянул на него.

– Снять с тебя? Это десятидюймовый швеллер, Рэй. Он весит около четырехсот фунтов, если не больше. Тебе чертовски повезло, что при падении он не отсек ногу начисто.

– Хватит говорить о моей удаче! Сделай же что-нибудь!

Рид пожал плечами и почесал голову. Он опустился на колени у ног Гарвина и протиснулся в щель между упавших досок – туда, где лежал швеллер. Один конец его зацепился за поперечную балку пристани. Рид снова почесал затылок.

– Черт возьми, Рэй, ты же знаешь, что у меня болевая спина. Она болит, даже когда я поднимаю кружку пива. Мне не снять с тебя этой штуки.

Гарвин знал о спине Ллойда – это верно. Каждый в округе знал о его спине. Она была слабой Риды, его боевым знаменем. Он когда-то служил стрелком на «Б-17» и однажды выпрыгнул с парашютом из горящего самолета. Его спина была единственным источником дохода Ллойда. Он получал инвалидную пенсию.

– Я не хотел тебя обидеть, Ллойд.

Гарвин на миг закрыл глаза и попытался что-нибудь придумать.

– Может быть, ты выкопаешь яму под ногой, и я смогу ее вытащить?

– Точно! Сейчас попробую!

Рид двумя руками начал копать ил около лодыжки. Один раз он задел ногу, и Гарвин сжался от боли.

– Прости, Рэй...

Он продолжал разбрасывать плотную грязь. Гарвин посмотрел направо и увидел, что ялик теперь на воде, хотя минутой раньше лежал на берегу.

– Начинается прилив, – вскричал он. – Я должен выбраться отсюда.

– Прилив?

Рид перестал копать и обернулся. Он осмотрел протоку, и на его лице промелькнуло странное выражение.

– При северо-восточном ветре вода поднимается на одиннадцать футов...

– Ради небес, Ллойд, заткнись и займись делом!

Рид молча подполз к Гарвину и снова начал копать. Немного погодя Ллойд остановился.

– Рэй...

Он нервно прочистил горло.

– Под твоей ногой что-то твердое. Старая балка или сломанная опора. Железка прижала тебя прямо к ней.

Через непрерывную пульсацию боли к Гарвину пробилась внезапная струя липкого страха. Он приподнялся на локтях и, увязая в грязи руками, встал на колени. Движения вызвали мучительную боль, но теперь он, по крайней мере, был выше уровня воды, которая уже плескалась в нескольких дюймах справа.

– Что? Что нам делать? – закричал Ллойд.

«Если нельзя вылезти из-под нее, то надо поднять...»

– Мы должны поднять эту штуку.

Рэй перевел взгляд на откос. Мысли металась в поисках выхода. За откосом виднелась крыша машины Ллойда. Это была сила. Оставалось каким-то образом перенести эту силу в протоку.

Он осмотрел пристань. Настил рухнул в тех местах, где провалились швеллера, но боковые перекладины казались целыми, а над ними крепилась поперечная балка.

– Ллойд, надо перекинуть веревку через эту перекладину. Привяжи один конец к машине, а другой мы просунем под швеллером. Нам ведь и надо поднять его только на несколько дюймов.

– А где веревка?

– Вережка?

Гарвин быстро осмотрелся. Он потянулся влево и ударился о нос ялика.

– Тут есть какая-то. Я думаю, не слишком ветхая.

Рид перебил его:

– Здесь не больше двадцати-тридцати футов, Рэй. А нам надо, по крайней мере, около сотни, чтобы зацепить за машину.

Гарвин посмотрел на веревку. Ллойд снова был прав. Вережки не хватит. Он оттолкнул от себя ялик и с надеждой спросил:

– Может быть, в машине? У тебя нет ничего в машине?

Рид пожал плечами и покачал головой. В багажнике машины Гарвина лежала новая бухта полудюймовой пеньковой веревки. Но они приехали сюда на машине Рида. Ни одной веревки на причале и в новом доме. Недавно он купил отличный нейлоновый трос для якоря, но оставил его в прицепе, а тот стоял в гараже городского дома.

Он почувствовал холод у колен и посмотрел вниз. Вода в протоке быстро прибывала. Рид сказал, одиннадцать футов. Одиннадцать футов за шесть с половиной часов. Почти фут за полчаса. А какое расстояние от колен человека до его носа? Около четырех футов? Значит, осталось где-то два с половиной часа, если он не вытащит ногу из-под стального швеллера.

– Ллойд...

– Ты что-нибудь придумал?

Гарвин повернул голову и посмотрел ему в глаза.

– Поезжай и привези помощь. Двое здоровых парней поднимут конец этой штуки, и я вытащу ногу.

Рид поднялся и кивнул.

– Наверное, ты прав. До города всего пять или шесть миль. Может быть, я найду Тома Формана. У него спина и руки, как у гориллы. А если еще будет и Джулиус...

– Ллойд, – тихо произнес Гарвин, вытирая ладонью лоб. – Ллойд, моя нога горит как в адском пламени. Вода прибывает. Я прошу тебя, поезжай. Поезжай.

– Да, конечно.

Рид начал подниматься по откосу протоки. Не доходя до обрыва, он обернулся.

– Я хотел сказать, чтобы ты меня подождал, а потом вдруг понял, что это будет вроде злой шутки, правда?

Он похлопал себя по карману рубашки.

– Да! У тебя есть сигареты? Если хочешь, я оставлю свои.

Гарвин проверил внутренний карман. Сигареты были там, но когда он упал, они намокли.

– Хорошо, давай и иди.

Рид вернулся, отдал пачку и коробку спичек.

– Я приеду за тобой, Рэй. Ты только... не переживай, ладно?

– Я буду в порядке.

Рид снова полез на откос, но Гарвин окликнул его.

– Ллойд, ты тоже не волнуйся. В любом случае никто, кроме тебя, не знает, что меня здесь придавило.

Он замолчал, внезапно пожалев о сказанном. Рид взглянул на него, потом повернулся, вскарабкался на откос и исчез. Дверь машины захлопнулась, мотор взревел, и машина умчалась. Вскоре ее урчание затихло. И тогда опустилась тишина. Постепенно, словно, чувства обрели остроту бритвы, Гарвин начал осознавать звуки ветра. Одиноким и беспокойным бродяга-ветер, пробираясь по кронам дубов на откосе, свистел и шептал о чем-то в болотной траве. Чувство абсолютной заброшенности крепкой хваткой сжало сердце.

Он подумал о Ллоиде. Если бы ему пришлось выбирать, кому доверить жизнь, Ллойд оказался бы в конце списка. Хотя откуда у него такая предвзятость? Они вместе выросли, знали друг друга с детства. И все же последняя фраза оставила странное впечатление, породив какие-то сомнения. А друзьям полагалось бы верить. Но можно ли их отношения считать дружбой? Или это просто старое знакомство?

Он взглянул вниз. Вода поднялась выше колен. Раненая нога исчезла под водой. Он поднял руку и первый раз посмотрел на часы. Стрелки показывали 11.15. Мэри сейчас в церкви вместе с сестрой Элеонорой. Ллоиду придется потратить десять-пятнадцать минут на дорогу. Потом надо прибавить еще минут двадцать на обратный путь...

Где-то у протоки закудаhtала болотная курочка, и другая отозвалась ей у реки. Прекрасное время для охоты. Вода начинала заливать болото. Но знакомые звуки лишь увеличили чувство одиночества. Даже сильная боль в лодыжке, пульсировавшая с каждым ударом сердца, не могла отогнать мысли о... О чем?

Нет, это только вопрос времени. Через несколько минут Ллойд вернется с помощью. Его отвезут в госпиталь и там позаботятся о ноге. Ему поставят гипс, дадут костыли...

Он снова посмотрел на часы. Большая стрелка переместилась вниз. 11.30. Гарвин опустил руку. Пальцы коснулись воды. Он приподнял голову, пытаясь услышать что-нибудь, кроме плеска воды и порывов ветра.

Ничего.

Он поднял глаза к небу. Под высоким серым облаком в воздухе парила чайка, медленно продвигаясь вперед и дожидаясь порыва ветра, чтобы стремительно помчаться вверх. Гарвин переместил вес, пытаясь приподнять здоровую ногу, но движение принесло волну боли. Оставалось совсем немного. Ллойд отсутствовал уже полчаса.

Рэй поправил испачканную в грязи куртку и застегнул ее на все пуговицы. Но холод от воды все равно пробирался в тело. Как это похоже на Ллойда. Он никогда не приходит вовремя. Абсолютно ненадежный человек. Рид так и не женился, а на работе его редко держали больше шести месяцев. Он жил беззаботно, работал небрежно, ни о чем не тревожился, ничего не искал. Короче говоря, он жил одним днем.

«Черт возьми! Неужели он не понимает, каково мне теперь!» Лицо Гарвина напряглось. «А действительно ли Ллойд такой простак, каким кажется? Может быть, он что-то скрывает? Скрывает годами?» Ему вспомнился случай, который произошел несколько недель назад. Ллойд заглянул в его контору, и в это время пришла Мэри. Они тогда только что купили участок земли и обсуждали планы постройки нового дома.

Гарвину вспомнилось, что Ллойд тихо сидел на уголке стола и внимательно слушал возбужденный голос Мэри, пока она болтала о материалах, красках и природе. А потом они рассчитывали затраты на установку монорельса для спуска лодки... Но как он смотрел на Мэри, когда она уходила. Ллойд перевел взгляд на Гарвина, и в его глазах промелькнула странная тоска.

– Тебе повезло, Рэй. Если бы ты только знал, как тебе чертовски повезло. Хорошая жена, хорошая работа, новый дом и деньги в банке. Даже время тебя пощадило.

Когда он снова посмотрел на Рэя, его слова прозвучали горько и зло:

– Как я завидую тебе, парень!

Но вскоре его печаль рассеялась, и он снова вошел в свою роль.

– Ладно, хватит ныть. Сегодня вечером нас ждет форель! В это время она сама прыгает в лодку!

Были ли его слова случайными? Или причина в Мэри? Ллойд ухаживал за ней два последних года, когда они учились в школе. Возможно, в тот момент к нему пришли воспоминания, которые время от времени настигают каждого мужчину, и не исключено, что он мог бы...

До этой секунды Гарвину никогда не приходило в голову такое. Он снова посмотрел на часы. Ллойд отсутствовал сорок пять минут. Вода в протоке поднималась с удивительной быстротой. Она достигла верхней части бедер. Что же с ним могло произойти? Лопнуло колесо или кончился бензин?

Но ему оставалось только ждать. Гарвин попытался отвлечь себя мыслями о новой пристани.

Около полудня вода поднялась до поясницы, и он сказал себе то, в чем прежде боялся признаться.

– Ллойд не вернется. Он бросил меня здесь на верную смерть...

И тогда все стало потрясающе логичным. У Ллойда появилась непредсказуемая и почти сказочная возможность. Немного удачи, и он займет место Рэя Гарвина. Он возьмет его любимую женщину, его состояние, его судьбу. Он начнет там, где остановился Гарвин. Бегун принимает эстафету и мчится дальше, наследуя все преимущество, созданное до этого момента.

К тому же он нравился Мэри. Впрочем, Ллойд Рид нравился всем. Но Мэри и Ллойд встречались в юности, поэтому вполне возможно, что после смерти Гарвина старая любовь затеплится снова. Мэри не такая женщина, чтобы жить в одиночестве. После положенного срока и мягкой настойчивости Ллойда...

Гарвин со злостью ударил кулаком по воде. Он задыхался в тисках безысходности. Черт с ней, со смертью. Но как предупредить Мэри? Как дать понять, что это был не просто несчастный случай?

А, может, не все так плохо? Вдруг с Ллойдом чтонибудь случилось?

Часы показывали десять минут первого. Вода поднялась выше пояса. Еще полтора часа, и даже если Ллойд вернется с помощью, ему будет все равно.

Он взял сигарету из пачки Рида. Руки дрожали, пачка упала в воду. Он следил, как ее уносит прилив. У его тела кружились маленькие водовороты. Рэй прикурил сигарету и швырнул коробок в уплывавшую пачку.

«Ладно, пусть будет так.» Гарвин сделал глубокую затяжку и посмотрел на клочья дыма, уносимые ветром. Последняя сигарета осужденного на смерть. «Что ты теперь делаешь, Ллойд Рид? Сейчас? В эту минуту? Смотришь на часы или следишь за приливом и ждешь? Неужели?»

А сколько дел остались незаконченными. Гарвину было тридцать шесть. Он много работал и преуспел. Он не был скуп и не был расточителен, И вот теперь, когда все так хорошо устроилось, он пойман, как зверь, и его последние мгновения уходят...

Рэй задохнулся. Сигарета выпала из губ. Как зверь? Он быстро взглянул на воду, которая дошла уже до ребер, потянулся назад и дотронулся до холодного тяжелого швеллера, лежав-

шего на ногу. Гарвин выпрямился и достал из кармана нож. Он осмотрел длинное лезвие и сложил его. Животное отгрызает ногу, попавшую в капкан. А человек... Может ли человек отрезать собственную ногу?

Отгоняя от себя эту мысль, он быстро сунул нож в карман. Еще есть время. Взгляд перешел на часы. 12.40. Ллойд уехал полтора часа назад. И он уже не вернется. «Если бы я посмотрел на него внимательно, я бы это понял. Это было в его глазах. Быть может, Мэри заметит...»

Вода поднялась до груди. Через час она дойдет до подбородка. Рэй изо всех сил напрягся и потянул придавленную ногу. Он снова достал нож. Это был единственный способ. Альтернатива – смерть.

Гарвин посмотрел на берег, отслеживая линию обрыва в направлении дома. Крыши не видно, но он там, под дубами-близнецами у поворота протоки. Оттуда открывался вид на широкий болотистый берег и далекое голубое море. Были ночи, тихие безветренные ночи, когда он сидел у протоки, слушая плеск рыб и слабый отдаленный грохот прибоя в устье пролива.

«Посмотрим, может ли человек с одной ногой наслаждаться всем этим. Мертвый точно ничего уже не видит и не слышит.»

Внезапно Гарвин застыл, приподняв и вытянув подбородок. Послышалось или действительно звук мотора? Вот, снова! Нет, это лодка – у двигателя высокий звук. Ветер принес его с реки. Только глупец может отправиться на рыбалку при северо-восточном ветре. Боже, он удаляется...

Пульс и дыхание успокоились. Чувство безнадежности вернулось. Лодка уходила по реке в четверти мили отсюда. Ветер донес последний дрожащий звук, а затем наступила тишина, которая заполнила весь мир. Лодка ушла, надежда ушла. Он понял это и поднял нож из воды.

«А я смогу? Может быть, это так больно, что я потеряю сознание?»

Он открыл лезвие и попробовал его большим пальцем. Лезвие было острым.

– Если бы мне удалось сделать это под швеллером – там, где сломанная кость...

Пойдет кровь. Много крови. Он подумал об акуле, которую поймал прошлым летом в миле от этого места. Она оказалась около восьми футов длиной. А что если кровь привлечет акул? Хотя в это время года их, кажется, здесь нет, а возможно, они вообще не нападают на людей.

Он согнулся и дотронулся до придавленной ноги. Лодыжка распухла, боль превратилась в тупую пульсацию, но прикосновение пальцев вернуло ей силу.

– Ничего, – прошептал он, – терпеть можно, Нельзя останавливаться! Никто не придет, чтобы помочь тебе... А прилив ждать не будет!

Он осмотрелся. Взгляд пробежал по настилу пристани, перешел на нож в руке, и на его лице появилась странная улыбка. Прилив. Прилив! Вода поднимается все выше... Он закрыл лицо руками и захохотал.

Темная вода струилась мимо пристани, закручиваясь в водовороты у вбитых в дно опор. Ветер принес посторонний звук. Мелькая среди деревьев, по дороге промчалась машина. За рулем сидел Тим Форман, рядом жался Ллойд Рид. Его голова была забинтована. На заднем сидении покачивались доктор Сандерс и Джулиус Мейсон.

Машину подогнали вплотную к берегу. Четыре дверцы открылись, и люди побежали к пристани. Рид первым прыгнул на рухнувший настил. Он резко остановился, взгляд быстро пронесся по берегам протоки. Никого. Только сломанная пристань и вода.

– Слишком поздно! Я это знал!

– Где он? – закричал Форман.

– Там, внизу!

Ллойд показал рукой.

– Видишь эти сломанные доски? Туда провалились стальные швеллера. Это был какой-то ужас. А Рэй как раз находился внизу...

– Эй! – донесся слабый голос.

Четверо мужчин повернулись на звук. Рэй Гарвин сидел на краю протоки, прислонясь спиной к обрыву. В его руке был складной нож, перепачканная куртка прикрывала нижнюю часть ног.

– Почему так долго, Ллойд? – спросил он.

– Ты... Ты жив?

Голос Рида перешел на хриплый шепот. Он посмотрел на Гарвина, и его глаза остановились на куртке.

– Но как? Как тебе удалось?

– Я тебя спрашиваю, Ллойд, – повысил голос Гарвин. – Почему так поздно?

Доктор Сандерс спрыгнул с откоса.

– Он сказал, что тебя придавило стальной балкой, Рэй. Тебе кто-то помог выбраться?

– Нет. Никто. А что случилось с Ллойдом?

– Я... Я попал в аварию, Рэй. Спешил, машину занесло на повороте, и она врезалась в сосну...

Он быстро дотронулся до повязки и поправил ее.

– Я потерял сознание и не знал, сколько времени прошло...

– А я знал, Ллойд. Около трех часов. Ты бы тоже смотрел на часы, если бы оказался на моем месте. Просто удивительно, как быстро наступает прилив, когда ты этого не хочешь. И тогда в голову приходят всякие мысли. Ты начинаешь думать о том, что с тобой будет, когда вода начнет плескаться под твоим носом.

Доктор подошел к Рэю и встал рядом с ним на колени.

– Дай мне взглянуть на твою ногу.

Он хотел поднять куртку, но Гарвин остановил его.

– Минуту, док.

– Если она сломана...

– Только минуту.

Глаза Гарвина сверлили взглядом Ллойда.

– Так вот – ты начинаешь думать о разном. Я тоже думал, и мне в голову пришла такая мысль.

Он поднял нож. Открытое лезвие тускло сверкнуло.

– Я вспомнил истории о том, что животные отгрызают ногу, попавшую в капкан.

Рот Рида открылся. Он поднял руку, указывая на прикрытые ноги Рэя.

– Ты хочешь сказать...

Его глаза быстро заморгали. Он тяжело сглотнул слюну.

– Ты... Ты отрезал себе ногу?

Все в ужасе застыли. Гарвин медленно закрыл нож.

– Я долго думал над этим. До последней минуты я ждал, что кто-нибудь приедет. Я молился. А вода все время прибывала. Сначала она дошла до рук, потом до пояса, потом до груди. Мне приходилось поднимать руки, чтобы держать их над водой.

Доктор потянулся к куртке.

– Будет лучше, если ты дашь мне взглянуть на нее.

Рэй отбросил руку доктора в сторону.

– Я думал, что если кость сломана полностью, то проблем не будет. Меня страшила боль. Я боялся потерять сознание...

– О мой бог... – прошептал Рид.

Гарвин улыбнулся и положил нож в карман брюк.

– А потом мне пришло в голову кое-что еще – такое простое, что я хохотал до упаду.

– Дьявол! И что это была за мысль? – спросил Мейсон.

– Ялик. Он был привязан прямо передо мной.

– Но его здесь нет.

– Снесло водой за поворот.

– И как тебе удалось...

– Он был привязан к опоре пристани, и я ножом перерезал веревку...

Уголки глаз доктора сморщились, и он кивнул.

– Ты привязал веревку к швеллеру, и когда вода поднялась, ялик приподнял конец балки.

– Он поднял швеллер с твоей ноги? – облегченно вздохнул Форман.

Доктор поднял куртку. Обе ноги были на месте, хотя правая странно сгибалась в лодыжке.

– Том, принеси из машины мою сумку, – сказал доктор. – Пусть один из вас доберется до телефона и позвонит в клинику.

Он взглянул на Гарвина.

– Я думаю, нам лучше перетащить тебя на носилках, Рэй.

– Конечно, док.

Доктору принесли черную сумку. Гарвин по-прежнему смотрел на Рида. В глазах у Ллойда была вина. Ее ничем не замаскируешь. Доктор взял в руки шприц. Он протер кожу на руке Гарвина и сделал укол.

– Это снимет боль.

Гарвин рассеянно кивнул.

– Ллойд?

– Рэй, я...

Его глаза забегали, лицо побледнело.

А стоило ли обвинять его? Рана на голове Рида наверняка настоящая. Она была нужна ему, иначе остальные бы усомнились в его алиби. Но они оба знали, что произошло на самом деле.

– Ллойд?

«Пусть он живет с этим.»

– Сигареты намокли. У тебя не найдется еще одной?

«Пусть он живет с этим. Если сможет...»

Лоренс М. Дженифер

Самый старый мотив

Сидя в уютной спальне Флоры, Филип Девизе вздохнул и ошеломленно понял, что он абсолютно счастлив. В свои сорок три года он судил о себе очень рассудительно – конечно, он не мог чувствовать себя свободным, как воздух, и молодых, словно Пат Бун, но, тем не менее, его буквально распирало превосходное настроение. Что есть, то есть, и от этого никуда не уйдешь.

Естественно, многое сделала Флора – чудесная и юная Флора, восторженная и прекрасная богиня. Кто бы подумал, что она так страстно привяжется к мужчине средних лет? Он еще не входил в категорию пожилых, лысых и толстых, но уже не питал иллюзий на свой счет. В сорок три года броская красота вообще не вписывается в образ. И все же Флора что-то в нем нашла. Какое-то качество зацепило ее, привязало...

Однако ответ, скорее всего, не в Флоре. Он проводил с ней вечера и раньше, а жена думала, что Филип задерживается на работе или уезжает из города. Однако он никогда не чувствовал себя таким свободным и счастливым.

Филип блаженно улыбнулся. Причина его настроения была абсолютно очевидной. Его жену скоро убьют.

Флора прижалась к нему и повалила на большую красную кушетку.

– Ты опять задумался о делах, – капризно заворчала она.

Филип вздохнул и усмехнулся.

– Нет-нет, милая. Все нормально. Мне только подумалось о том, как я счастлив. Ты со мной, и все как надо.

– Тогда я рада, – хрипло прошептала Флора. – А теперь скажи мне, дорогой, это я сделала тебя счастливым?

– Конечно, ты, – немного фальшиво ответил Филип.

Он обнял ее. Прошло несколько секунд.

– Это все, что я хотела, – со вздохом сказала Флора. – Лишь бы ты чувствовал себя счастливым.

Филип еще раз поцеловал ее.

– И больше ты ничего не хочешь?

– Нет, милый, – ответила она. – **Я** люблю тебя. А что еще можно хотеть?

Филип подумал о жене и скривил лицо.

– Внимания, – подсказал он. – Все время! Каждую минуту. Одежду, меха, драгоценности. Почему, Флора, ты хочешь остановиться только на одном желании? Желании сделать меня счастливым?

– Потому что я люблю тебя, – хрипло ответила она.

– А я..., – произнес Филип. – **Я** люблю тебя.

Он сжимал ее в объятиях, с наслаждением чувствуя податливое тело, но какая-то часть ума по-прежнему думала об убийстве жены.

Филип прочитал немало детективных историй. Он знал, что, убив супругу, вряд ли выйдет сухим из воды. В таких случаях первым делом подозревают мужа. Изучая криминальную хронику, Филип представлял, насколько хорошо оснащена современная полиция, и понимал, что при малейшем подозрении его вина будет доказана в два счета. А как ему хотелось содрать с нее кожу – старую, сухую и неприятную кожу! Но он не желал попадать в тюрьму или на электрический стул.

И тут, по чудесному совпадению, он встретил Флору и Шастека – почти в одно и то же время.

Флора появилась первой. Встреча произошла в баре, недалеко от его квартиры на 70-ой улице. Она вошла, увидела его, и они вдруг разговорились. Это показалось настолько естественным... Потом были другие встречи. Однажды он пришел к ней, и, пожалуй, тогда все началось понастоящему.

Он задумался о том, как далеко бы зашли его отношения с Флорой, если бы к тому времени он не встретился с Шастеком. Наверное, он натворил бы те же самые глупости, от которых сейчас пытался избавиться. Конечно, теперь Флора знает все, что можно знать о нем, начиная с детства и кончая браком, который он пытался разорвать.

Естественно, она сначала предложила развод. Но развод был невозможен, он знал об этом, и теперь знала Флора. Его жена никогда не согласилась бы на подобную вещь. Все ее воспитание противилось разводу. Кроме того – и он сказал тогда об этом Флоре с кривой усмешкой – какая дура уйдет от золотоносной жилы?

Да! У него водились деньги! Его семья неплохо потрудились за несколько поколений, а отец Филипа увеличил их вклады настолько, что слово «удача» стало естественным, маломальски пригодным словом, которое как-то бы подошло для описания его жизни. Разумеется, жена Филипа вышла за него из-за денег, но он не мог переступить через брак – так он сказал Флоре. В любом случае, развод был невозможен.

Он никогда не упоминал об убийстве. Обсуждать криминальные темы было не в его стиле, а Флора и убийство не могли существовать вместе. Она не казалась такой уж невинной, но Филип избегал говорить о неприятных вещах в ее обществе. Ему хотелось, чтобы все, имеющее отношение к Флоре, выглядело идеальным.

Они чтитли это правило, и Флора целиком поддерживала его идеализм. У нее была своя квартира. Она отвергала его подарки и жила собственной жизнью.

– Только теперь это твоя жизнь, – говорила она. – Моя жизнь принадлежит тебе, потому что я вся твоя.

А однажды утром в его офисе появился Шастек.

– Он говорит, дело касается мисс Флоры Арнольд, – сообщил его секретарь.

Филип побледнел, но взял себя в руки.

– Пригласите его, – сказал он.

И когда вошел стройный, щеголеватый и удивительно быстрый в своих точных движениях человек, Филип произнес только одно:

– Закройте дверь.

– Непременно, – ответил Шастек и сделал это.

Он сел напротив Филипа. Их разделял лишь стол. Филип тревожно вздохнул.

– Вы называли моему секретарю имя Флоры Арнольд.

Шастек кивнул, опустив голову ровно на три четверти дюйма.

– Да, совершенно верно, – произнес он и вытащил золотой портсигар.

Он извлек сигарету, прикурил ее и, убрав портсигар в карман, продолжил:

– Я готов извиниться за неловкое положение, в которое поставил вас. Но это единственный способ попасть к вам на прием, не разглашая истинных мотивов.

– Я не хотел бы впутывать имя Флоры... имя мисс Арнольд...

Филип почувствовал, что затянул фразу, и сменил тему.

– Ваши истинные мотивы? – вдруг спросил он другим тоном. – Шантаж, я полагаю?

Он покачал головой.

– Вам не повезло, мистер Шабек. Или как там вас? Я не выложу ни цента.

– Шастек, – поправил его собеседник. – И у меня нет желания шантажировать вас. Наоборот, я хотел бы дать вам совет.

Филип кивнул.

– Ну, конечно, конечно, – со злостью произнес он. – Вы узнали о Флоре и думаете, что я буду заинтересован в сохранении тайны. Но знаете...

– Не могли бы вы на минуту забыть о мисс Арнольд? – тихо спросил Шастек. – Я использовал ее имя, чтобы увидаться с вами. Я не знаю эту женщину, я никогда не встречался с ней и не собираюсь встречаться. Мое дело почти не связано с ней. Я здесь для того, чтобы предложить вам свои услуги.

Филип на секунду закрыл глаза. Когда он открыл их, в его взгляде чувствовалось легкое непонимание.

– Значит, вы ее не знаете? – с удивлением спросил он. – Тогда откуда вам известно ее имя?

– Потому что я знаю вас, – мягко ответил мистер Шастек.

Он затушил сигарету в пепельнице и продолжил:

– Конечно, не лично. Но я осведомлен о ваших проблемах с... хм... женой. Я знаю о вашем тайном желании.

Он слегка улыбнулся.

– И я здесь, чтобы предложить вам решение этой проблемы.

– Отношения с женой касаются только меня, – жестко ответил Филип – То же самое могу сказать о и Фло... мисс Арнольд. Я не понимаю, по какому праву вы лезете в мои дела...

– По какому праву? Вы сами побуждаете меня к этому.

Он поднял руку, на секунду опередив возражения Филипа.

– Я должен был как-то завоевать ваше доверие, мистер Девизе, и поверьте, я заинтересован в том, чтобы оказать вам помощь. У меня есть решение вашей... хм... проблемы.

Филип поморщился. Несмотря на свои принципы, он начал верить этому человеку.

– Здесь не может быть никакого решения.

– Одно имеется, – тихо возразил Шастек.

Филип устало моргнул. Молчание затягивалось.

– Мистер Девизе, – наконец, сказал Шастек. – Вы же интересуетесь криминальной хроникой?

– Вы и это знаете?

Шастек пожал плечами.

– Мне известно и о мисс Арнольд, и о вашей жене, – подчеркнул он. – Наша организация гордится своим отделом информации.

– Организация? – с удивлением спросил Филип.

Шастек кивнул и аккуратно отодвинул от себя пепельницу.

– Позвольте продолжить, – сказал он. – Итак, вы читали криминальную хронику и, наверное, не раз замечали ссылки на некий огромный синдикат, который за вознаграждение... хм... устраняет оговоренных лиц.

– Корпорация убийц, – с усмешкой съязвил Филип.

Шастек нахмурился.

– Нет необходимости быть настолько грубым, – заметил он. – Можно сказать, что у нас есть метод – безопасный метод – ликвидации людей. Этот метод за гонорар может оказаться в вашем распоряжении.

– Просто смешно, – отозвался Филип.

– Так ли? – с улыбкой ответил Шастек. – Разве вы не читали об этом? Фактически, очень старая идея, и я не понимаю, почему вас удивляет возможность ее воплощения в жизнь?

– Но...

– Понимаю, – кивнув, перебил его Шастек. – Вы сомневаетесь. Позвольте, я оставлю вам свою визитную карточку. Вы можете позвонить мне в любое время. Наша контора открыта с девяти тридцати утра до пяти вечера.

Он достал из нагрудного кармана бумажник, извлек небольшую белую карточку и положил ее на стол. Мужчина поднялся и направился к двери.

– Подождите минуту, – внезапно произнес Филип.

Шастек повернулся.

– Да?

– Вы предлагаете...

Филип нервно моргнул.

– Вы беретесь за гонорар... убить мою жену?

– Я? Убить?

Шастек удивленно поднял брови.

– Нет, мистер Девизе. Конечно, нет. Я только заключаю сделки. В век специализации мы предпочитаем нанимать профессионалов.

– Меня здесь многое смущает, – с жаром заговорил Филип. – Они найдут... Они отслежат события и обнаружат, что я обращался за помощью к вам. И тогда...

– Они не сделают этого, – перебил его Шастек. – Они никогда не узнают, что вашу жену... хм... убили. Наша техника доведена до совершенства.

– Но...

– Я прошу вас. Подумайте и позвоните мне.

Шастек мягко кивнул головой.

– Когда вы будете готовы, мы обсудим вопрос окончательно.

Дверь открылась и закрылась. Филип удивленно осмотрел пустую комнату.

Обман, убеждал он себя, но не верил в эти убеждения. Предложение Шастека звучало возмутительно. Однако по мере того, как проходили часы и дни, он все меньше обращал внимание на этику и мораль. Наоборот, появилась надежда. Он переговорил об этом с Флорой – осторожно, не сделав и намека на реальную ситуацию. Он рассказал историю, которая якобы случилась с его другом. Он даже зауважал себя после этого. Она ничего не заподозрила. Она не поняла, что он говорит о себе – о деле, которое касалось лично его.

Ее совет полностью совпадал с желанием Филипа.

– Твой друг ничего не потеряет, если позвонит туда и задаст несколько вопросов, правда? Я думаю, это ему не повредит. К тому же, он всегда может остановиться.

Филип и сам так думал. На следующее утро после некоторых колебаний и мимолетных страхов он набрал номер по карточке Шастека и назначил свидание.

Здание, где располагалась контора, выглядело старым и довольно жалким. Филип поднялся на лифте на десятый этаж и быстро отыскал комнату номер 1012. Никаких других указателей на матовом стекле не было, и, открыв дверь, он увидел лишь одинокий стол, за которым сидел мистер Шастек.

– Наша контора по необходимости скромна, – улыбаясь, объяснил мистер Шастек. – Мы позволяем себе большие удобства только за пределами города. Присаживайтесь.

У стола стояло кресло. Ни слова не говоря, Филип сел.

– Вы, конечно, понимаете, – начал Шастек, – что мы не хотим привлекать внимание других людей.

– Понимаю, – рассеянно ответил Филип.

Он много читал о криминальном мире и разбирался в таких вопросах. За кого его здесь принимали?

– Мне хотелось бы поговорить о вашем... методе.

– О!

Шастек хитро усмехнулся.

– Боюсь, я могу рассказать вам очень мало о нашем методе. Он хранится в тайне. Вы понимаете?

– Но...

– Ваша безопасность гарантируется, – убедительно произнес Шастек. – И прежде всего поймите, если вас заподозрит полиция, нам может угрожать публичное разоблачение. Поэтому и ваших и в наших интересах было бы гладкое завершение дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.